

Паук

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 26 января, 2025
Паук ПАУК

Лавируя на роликах впотьмах, я понимаю:
вокруг – вибрирующая страна.
Паука паутина немая
отражает равностороннюю дрему. И Сатана
и кобра были б робеющей парой возле.
Законый паук тише, чем телефон мой в Базеле.
Начнём с середины: разлетелась шобла,
а он ещё как-то ползал.
Эхо Москвы и затворник моей головы.
Вечный юбиляр, он секторный зал снял,
чем показал, что идёт на Вы.
Водоворот безнаказанных запятых
и – крюком под дых.

Его отказ совершенству, как лезвием по стеклу.
Пионер, отведи окуляры!
Паук не напрашивался к столу.
Перепуган, как если бы к горлу
поднесли циркулярку...
Он прибег к прозрачности, кошмары воспроизведя.
Ловит сон.
Паутинка сработает погода.

Тень от графина ребристого на скатерти с мухами –
снова – он, меняющий муз на мух.

Обеспеченный слухами
сухопарый дух,
он заперся между строк,
паук.

Начнём с середины. С самостоятельной тишины.
Паук изнутри сграбастан нервной системой.
Шаровая молния и разрывы воли его сведены
в вечный стоп, содрогающий стены
панцыря инсекта.
Поцарапанный ноль, мой паук, ваш – некто.

Поцарапанный ноль – иллюминатор падающего боинга,
когда люди гнали стёкла и не достигали.
Решётчатый бег однобокий, дающий Бога, –
ты. Ах, время, как цепочка на шее балаболки,
переминается, предаваясь (чему?)... Совпали
силы твоих расторопных касаний.
Паук, спи, Везувий.

Начнём с середины. Ты дорос до ядра Селены,
плетя небытия алгебраические корзины,
«любовь моя, цвет зелёный».
Царь середины,
замотавший муху в тусклую слюну,
возвращая изваяние – сну.

Паук мой, пастух смертей.
Слюняй, разбросанный по вселенной.
Тебе – вертеть
самое себя, набычась обыкновенной
злостью и решительностью, мой бывший друг,
натасканный на вдруг.

• ЛИМАН

По колено в грязи мы веками бредём без оглядки,
и сосёт эта хлябь, и живут её мёртвые хватки.

Здесь черты не провести, и потешны мешочные гонки,
словно трубы Господни, размножены жижей воронки.

Как и прежде, мой ангел, интимен твой сумрачный шелест,
как и прежде, я буду носить тебе шкуры и вереск,

только всё это блажь, и накручено долгим лиманом,
по утрам – золотым, по ночам – как свирель, деревянным.

Пышут бархатным током стрекозы и хрупкие прутья,
на земле и на небе – не путь, а одно перепутье,

в этой дохлой воде, что колышется, словно носилки,
не найти ни креста, ни моста, ни звезды, ни развилки.

Только камень, похожий на тучку, и оба похожи
на любую из точек вселенной, известной до дрожи,

только вывих тяжёлой, как спущенный мяч, панорамы,
только яма в земле или просто – отсутствие ямы.

• ЧЕРНАЯ СВИНКА

1.

Яйцо на дне белоснежной посуды как бы ждёт поворота.

Тишина наполняет разбег этих бедных оттенков.

Я напрягаю всю свою незаметность будущего охотника:

на чёрную свинку идёт охота.

Чёрная свинка – умалишенка.

Острая морда типичного чёрного зонтика.

2.

Утренний свет отжимается от половиц крестиками пылинок.

Завтрак закончен, и я запираюсь на ключ в облаке напряжённой
свободы.

Цель соблазнительна так, будто я оседлал воздушную яму.

Как взгляд следящего за рулеткой, быстрое рыльце у чёрных
свинок.

Богини пещер и погашенных фар – той же породы.

Тихо она семенит, словно капелька крови, чернея, ползёт по блестящему хрому.

3.

Чёрная свинка – пуп слепоты в воздухе хвастовства, расшитом павлинами.

Луну в квадратуре с Ураном она презирает, зато запросто ходит с Солнцем в одном тригоне.

Пропускай её всюду – она хочет ловиться!

Вы должны оказаться к друг другу спинами.

Во время такой погони время может остановиться.

4.

Я её ставил бы выше днепровских круч.

Я бы её выгуливал только в красных гвоздиках.

Её полюбил бы чуткий Эмиль Золя.

Цирцея моей одиссеи, чур меня, чур!

Её приветствуют армии стран полудиких,

где я живу без календаря. Goşgular